

Глава 35. Запретное искусство

Хань Цзюэ и Сюань Тяньшэ не собирались брать с собой Мэн Цзи, однако, заметив, что за ними всю дорогу тянется «хвостик», быстро поймали маленького воришку.

Мэн Цзи неловко почесал в затылке:

— Шифу, я за вас беспокоился.

Сюань Тяньшэ не удержался от смешка:

— И кто из нас за кого должен беспокоиться? Тебе следовало ждать нашего возвращения в трактире, а теперь нам придётся ещё и за тобой приглядывать.

— Не надо, правда не надо! — Мэн Цзи замахал руками и затряс головой. — Шифу, я не буду мешаться! Я спрячусь в сторонке и буду просто смотреть, честное слово, ни звука не издам!

Он поднял взгляд на Сюань Тяньшэ, в глазах которого плясали насмешливые искорки, и поспешно прикрыл рот ладонью.

— Ладно уж, — Сюань Тяньшэ коснулся волос ученика, а затем вопросительно взглянул на Хань Цзюэ. — Давай возьмём его с собой. Оставлять его одного в трактире мне тоже беспокойно, пусть лучше будет на виду.

— Хорошо, как скажешь, — Хань Цзюэ пожал плечами.

Он смотрел с такой нежностью, что у Сюань Тяньшэ невольно запылали кончики ушей.

Когда они приблизились к храму Небесной Девы, Сюань Тяньшэ велел Мэн Цзи найти надёжное укрытие. В конце концов, это были родные края юноши, и Тунлин он знал куда лучше, чем новоприбывший заклинатель. Мэн Цзи кивнул и нырнул за стог сена неподалеку от храма. Он периодически высовывался оттуда, испуганно и любопытно озираясь по сторонам — зрелище одновременно милое и нелепое.

Чем ближе они подходили к святилищу, тем гуще становилась мертвенная стужа, источаемая Знаменем призыва душ. Хань Цзюэ холодно усмехнулся и обменялся взглядом с Сюань Тяньшэ. Оба понимали: за те несколько дней, что они отсутствовали, Чжоу Сюе наверняка загубил ещё немало жизней, чтобы напитать артефакт свежими душами.

Горбатого могила исправит.

— Чжоу Сюе, а ты всё не меняешься, — негромко произнёс Сюань Тяньшэ, входя внутрь. Он слегка улыбнулся и кивнул, словно встретил старого доброго приятеля.

Чжоу Сюе вздрогнул от неожиданности. Он действительно не узнавал стоящих перед ним людей. В тот вечер было слишком темно, и он не успел разглядеть тех, на кого напал, решив, что это Бай Линь явился искать сестру. Не осознавая истинной силы незваных гостей, старик невольно затрепетал.

Опасаясь, что противники ему не по зубам, он попытался извернуться:

— Господа, вы, должно быть, обознались. Здесь нет никого по имени Чжоу Сюе.

— Вчера, когда ты напал на меня, ты явно был иного мнения, — легко заметил Сюань Тяньшэ, и в его голосе проскользнули стальные нотки.

Поняв, что отпираться бессмысленно, Чжоу Сюе сбросил маску:

— Так это ты был в тот вечер? А я-то думал, мой дражайший зятьёк пожаловал. Кстати, что же он сам не пришёл?

— Чтобы разобраться с такой мелкой сошкой, личное присутствие господина Бай Линя не требуется.

— «Господин Бай Линь»? — Чжоу Сюе расхохотался. — Надо же, как высоко взлетел мой зять! Неужто и не вспомнит о своём старом тесте, не протянет руку помощи? — Он резко оборвал смех и скривился. — И зачем только ваш великий Бай Линь послал собственную сестру мстить моей семье? Не слишком ли мелко для него?

— Подобным ничтожествам, как ты, не понять значения слова «самоотверженность», — ровно ответил Сюань Тяньшэ.

Чжоу Сюе даже не потрудился встать. Он так и остался сидеть в позе лотоса, небрежно привалившись к колонне главного зала.

— И почему же Бай Линь не явился самолично? Неужто силёнок не хватило? — Он мерзко осклабился, скорчив тошнотворную гримасу. — А я-то гадал: неужто Бай Линь, живущий на одной честной молитве, рискнёт показаться мне на глаза?

Сюань Тяньшэ гневно вскинул брови:

— Что ты несёшь?!

— О, так ты, мелкий прихвостень, ещё не знаешь? Душа и жизненная эссенция, на которых держится твой хозяин, принадлежат его сестрице. Теперь, когда Бай Мэн мертва, его дух неизбежно развеется по ветру. — Чжоу Сюе злорадно прищурился. — Боюсь, по возвращении тебе останется лишь собирать кости своего господина.

Распалённый его словами, Сюань Тяньшэ, невзирая на предостерегающий жест Хань Цзюэ, вскинул руку. С его запястья сорвалась тонкая струна, сплетённая из шерсти чёрной лисы, и со свистом полоснула Чжоу Сюе по лицу, оставив кровавый след.

Старик медленно провёл пальцем по ране, слизал кровь и причмокнул.

— Своя кровь... она всегда слаще чужой. Хочешь попробовать?

— Омерзительно, — выплюнул Сюань Тяньшэ.

— Ах, нет, — Чжоу Сюе покачал головой. — Это не совсем моя кровь. Это плоть моего слуги. Юность — прекрасная поря, даже кровь у молодых слаще.

Всё подтвердилось. Как они и предполагали, Чжоу Сюе использовал мощь Знамени, чтобы перенести свою душу в чужое тело. А тот несчастный, кого Бай Мэн считала своим врагом, был лишь невинной жертвой, занявшей место господина.

Сюань Тяньшэ видел перед собой лишь бойню, но Чжоу Сюе, казалось, вознамерился вести светскую беседу. Он продолжал бессвязно бормотать:

— Если бы не эта девчонка Бай Мэн... явилась так не вовремя, как раз когда я заканчивал обмен телами! Разве смогла бы она так легко забрать Знамя? Юноша, ты только вдумайся... Шуан-эр была моей единственной дочерью. Я души в ней не чаял! Поэтому я ничего ей не рассказывал. Думал, пусть она будет послушной девочкой, а если позже возненавидит меня — что ж, я просто найду ей семью получше или буду содержать её до конца дней. И что в итоге? Ради этого Бай Линя она решила отречься от отца и последовать за мертвецом в могилу!

Чжоу Сюе вскинул голову и яростно уставился на Сюань Тяньшэ.

— Пусть бы она просто умерла! Я бы нашёл ей новую оболочку с помощью Знамени. Но Шуан-эр была слишком одарённой... способнее меня самого. Она в мгновение ока постигла законы артефакта и принесла себя в жертву, чтобы вернуть Бай Линя к жизни. Именно тогда у Бай Мэн и вырвали часть души! Бай Линь и Бай Мэн живут припеваючи! А что моя дочь? Бай Мэн смела называть её дрянью! Разве она имеет на это право?!

Чжоу Сюе окончательно впал в безумие. Он вскочил на ноги, неистово размахивая Знаменем призыва душ. Вокруг него закружились вихри ледяного некротического ветра, заставив Сюань Тяньшэ закрыться рукавом.

Хань Цзюэ обхватил Сюань Тяньшэ за плечи и плавно отступил на пару шагов.

— Совсем свихнулся, — процедил он.

Сюань Тяньшэ, стиснув зубы, шепнул:

— Брат, он сказал, что душа в теле шисюна принадлежит Мэн-эр. И если её нет, то и душа его скоро рассеется... это правда?

— Не бери в голову.

— Но почему?

Хань Цзюэ бережно смахнул пылинки, приставшие к волосам Сюань Тяньшэ от порыва ветра.

— Ты веришь словам сумасшедшего? Если тебе так тревожно, мы прикончим этого выродка и немедля вернёмся во Врата Четырёх образов.

— Я просто... места себе не нахожу от волнения.

Хань Цзюэ недовольно поджал губы:

— А обо мне ты когда начнёшь волноваться?

Сюань Тяньшэ бросил на него быстрый взгляд:

— А я разве не о тебе забочусь?

— Ну да, ну да, мой маленький господин заботится обо мне больше всех на свете.

Тем временем Чжоу Сюе, закончив свою безумную тираду и завидев, что противники вместо страха обмениваются любезностями, пришёл в неопишемую ярость.

— А ну показывайте, на что способны! Моё Знамя обожает души духовных заклинателей. Из-за этой несносной девчонки я лишился стольких трофеев, теперь придётся начинать всё заново!

— Духовные заклинатели? Боюсь, ты жестоко ошибся в своих расчётах.

Насмешка в голосе Сюань Тяньшэ окончательно вывела старика из себя. Однако он внезапно

затих и криво ухмыльнулся:

— Вы пытаетесь спровоцировать меня, верно? Не выйдет.

С этими словами он вновь опустился на землю в позу лотоса. Знамя призыва душ зависло над его головой, извергая потоки иссиня-чёрной энергии, которая окутала его тело густым коконом. Сейчас он меньше всего походил на человека — скорее на мстительного демона, восставшего из глубин преисподней.

Сюань Тяньшэ с сожалением покачал на него головой. Во что он себя превратил? Духовные заклинатели, помимо совершенствования духа, всегда ценили чистоту и благородство облика. А этот человек перед ними — в грязном рубище, со свалывшимися волосами, источающий зловоние...

Чжоу Сюе давно перестал быть духовным заклинателем. Он опустился ниже последнего нищего. Видимо, ещё двести лет назад, совершив то кровавое побоище и вырезав под корень целый город, он окончательно погряз в собственных демонах, из которых ему уже никогда не выбраться.

Старик резко распахнул глаза. Очередной этап закалки Знамени был завершён. Он метнул острый, как у стервятника, взгляд от Сюань Тяньшэ к Хань Цзюэ. И в тот миг, когда он увидел, что зрачки Хань Цзюэ стали вертикальными, он жутко улыбнулся.

— Всего лишь мелкая зверушка.

Он схватил Знамя и, бормоча под нос заклятия, начал нелепо размахивать им. С каждым взмахом скорость нарастала, и вокруг стали проявляться призрачные тени.

Души сплетались в жуткое полотно, на их лицах застыли маски предсмертного ужаса. Они стонали и извивались, свиваясь в толстые, пульсирующие жгуты. Гул их голосов становился невыносимым.

Сюань Тяньшэ сорвал с плеча Пипу с головой дракона, сбросил чёрную ткань и с резким, звонким «цзэнь!» обрушил на врага волну звука. С другой стороны Хань Цзюэ взмахнул магической плетью, сотканной из тёмной энергии, выжидая удобного момента для сокрушительного удара.

Но удар пипы словно канул в бездну. Преграда из сплетённых душ лишь слегка дрогнула, поглотив атаку без остатка. Сюань Тяньшэ вздрогнул от удивления. Он вновь ударил по струнам, вливая в каждый звук свою духовную силу, но результат остался прежним.

— Хе-хе, — прохрипел Чжоу Сюе. — Мальчишка, и это всё? Ты недостойн даже того, чтобы я тратил на тебя время!

Сюань Тяньшэ, будучи истинным духовным заклинателем с двухсотлетним опытом, на мгновение забыл, что перед ним — мастер запретных искусств, который те же две сотни лет шёл по пути тьмы. А кривая дорожка всегда ведёт к цели быстрее, пусть и страшной ценой.

Однако Сюань Тяньшэ не дрогнул. Он спокойно переглянулся с Хань Цзюэ и ответил:

— Разумеется, это далеко не всё.

<http://bllate.org/book/17529/1698645>